

политическому назиданию.⁶¹ Традиционные формулы звучат теперь фразерски и, во всяком случае, не соответствуют возможностям эпохи в сфере культуры. С консолидацией петровских традиций при Анне Иоанновне приверженцы великого государя уже с 1730-х гг. получили возможность переосмыслить свое отношение к национальной традиции и изменить односторонний взгляд на прошлое. Уважение к культурным ценностям старомосковской эпохи уже не обязательно представляло собой монополию противников Петра.

В духовной жизни России Тредиаковский — один из первых, если не первый, кто эту возможность использует. Своим «Новым и кратким способом» он знаменует поворот в развитии русского национального самосознания⁶² — того развития, которое во второй половине века должно было привести к реабилитации старой России, а вместе с тем к общей ревизии исторической мысли. Тредиаковский и в дальнейшем чувствует себя верным последователем Петра I. Но вопрос об ориентации на Западную Европу, неизбежно приводящий лишь к копированию чужой культуры и полному отказу от собственной традиции, более им не ставится. Напротив, если Россия хотела действительно сравняться в культурном отношении с Западной Европой, следовало вспомнить свою национальную традицию, свою историю — и чем древнее и героичнее была она, тем лучше. В 1735 г. Тредиаковский еще весьма далек от идеализации прошлого. Но он уже видит его по-новому. Он задумывается над своеобразием русской культуры, хочет подчеркнуть ее неповтори-

---

ной культуры, заявленному в то же самое время в эпистоле «О стихотворстве», здесь он реабилитирует, как и Ломоносов, важнейший аспект допетровской культуры (ср.: *Klein J. Sumarokov und Voilau. S. 290*). Одновременно с этим Сумароков начинает выбирать для своих трагедий темы из древнерусской истории. Позднее он обнаруживает даже склонность к идеализации прошлого (ср.: *Шмурло Е. Петр Великий в оценке современников и потомства. С. 69* (воззрения Сумарокова на стрелецкое восстание 1782); *Rogger N. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, Mass, 1960. P. 52*). Не менее спорна оценка И. З. Сермана литературной деятельности Тредиаковского 1730-х гг., в частности его стиховой реформы: «Тот разрыв с допетровской Русью, который совершил Петр в общегосударственном масштабе, Тредиаковский хотел осуществить в литературе» (*Серман И. З. Тредиаковский и просветительство. С. 221*). Если бы это суждение относилось к стиховой реформе Ломоносова, с ним можно было бы согласиться. С Тредиаковским же дело обстоит сложнее, об этом — ниже. Заслугой И. З. Сермана остается, однако, то, что он ясно осознал релевантность общен исторического контекста в специфике русского классицизма.

⁶¹ Возможно, однако, что с главной темой сумароковского «Слова» — похвалой Петру I — дело обстоит иначе: в последние годы царствования Елизаветы такая похвала могла восприниматься как критика «дворянской фронды», направленной против режима стареющей императрицы. Ср.: *Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750-х—1760-х годов. М.; Л., 1936*.

⁶² *Шмурло Е. Петр Великий в оценке современников и потомства. С. 67; Rogger N. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia; Riazanovskij N. V. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought; Serman I. Z. Russian National Consciousness and its Development in the Eighteenth Century // Russia in the Age of Enlightenment: Essays for Isabel de Madariaga. London, 1990. P. 40—56.*